

A woman with long brown hair, wearing a dark, tactical-style jacket over a white shirt, is holding a handgun. The background is a blurred, warm-toned urban setting. The text is overlaid on a semi-transparent white band across the middle of the image.

МАРИНА СЕРОВА РОГА ИЗОБИЛИЯ

Литрес

Марина Сергеевна Серова
Рога изобилия
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167180

Рога изобилия: Эксмо; М.: 2004
ISBN 5-699-08278-6

Аннотация

Чего же успел натворить молодой бизнесмен Андрей Григорьев, если частный телохранитель Женя Охотникова, рискуя собственной жизнью, едва успевает спасать его то от пули, то от ножа, то от пожара? Кто же имеет зуб на Андрея? Наверняка кто-то из своих – ведь там, где крутятся большие деньги да еще и намечается большая сделка, покоя ждать не приходится. Но нельзя же всю жизнь жить под прицелом! Значит, Жене Охотниковой придется вычислить того, кому очень уж приспичило убрать с дороги ее клиента. Это особенно нелегко дается Жене – ведь одно дело защищать про – сто человека, а другое, если этот человек – твой возлюбленный...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	53
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Марина Серова

Рога изобилия

Глава 1

– Я думаю, сегодня тебе обязательно надо куда-нибудь сходить и развеяться, – сказала мне тетя Мила. – Воскресенье, солнышко вон как светит – погода замечательная.

Я с подозрением взглянула на свою тетушку. Бывало, конечно, что она давала мне советы, но такое случалось крайне редко. Именно поэтому я заподозрила, что сегодня она это делает не просто так. Как пить дать, моя дорогая Мила замышляет очередную авантюру для меня.

– И куда же, по-твоему, я должна сегодня сходить? – спросила я, догадываясь, что у нее есть ответ и на этот вопрос.

– Думаю, ты могла бы отправиться, например, на ипподром, – как бы спонтанно ответила она. – Ты любишь лошадей, вот и полюбуешься на них. А потом – какие страсти, какой адреналин!

– Может, ты скажешь мне, на какой трибуне стоять?

– Скажу. Отчего не сказать.

– Выкладывай, – уже серьезно попросила я. – Не будем терять наше драгоценное время.

– Я нашла тебе работу, – улыбнулась тетя.

Нет, нет, я вовсе не безработная. Просто работа у меня не совсем обычная. Вернее, совсем необычная. Вот уже который год я занимаюсь охраной. Не в том смысле, что тружусь сторожем на стройке. Я – телохранитель. Бодигард иностранному.

Вообще-то я предпочитаю особо не распространяться о своей профессии, потому что упоминание о ней обычно вызывает чрезмерное любопытство. Даже более того – рождает неверие. Никто не может даже предположить во мне телохранителя. Сказывается обывательское представление о специфике данной профессии. Потому что я далеко не шкаф и не мордоворот. У меня нет пудовых кулаков и косой сажени в плечах. Наоборот, лицо у меня довольно милое, а телосложение на первый взгляд изящное. Кстати, именно этим, собственно говоря, я и пользуюсь. Да и еще подготовочкой, каковая у меня весьма не слабая. По документам я военный переводчик, а на самом деле в том учебном заведении с ласковым неофициальным названием «Ворошиловка», где я получала образование, готовили из нас на самом деле бойцов для элитных подразделений.

Работа сама плывет мне в руки. Сама себя я никому не предлагаю. Люди, которые пользовались моими услугами, сообщают обо мне знакомым, те, в свою очередь, передают информацию дальше. Нередко бывает и так, что тетя Мила, имеющая в нашем городе очень обширные связи, предварительно договаривается о работе для меня, а потом очень так-

тично мне это преподносит. Как правило, именно так клиентам отказать труднее всего, а я далеко не за всякую работу берусь, поскольку вполне могу позволить себе выбирать. Но я очень многим обязана своей тетушке, поэтому мне трудно обидеть ее или ее знакомых.

Но с другой стороны, кого попало мне в клиенты тетя Мила не советует. Она либо сама тщательно проверяет человека, обратившегося за помощью, либо выспрашивает о нем все у тех, кто за него попросил. А просить могут только хорошие друзья.

Так что сейчас я не стала вдаваться в подробности того, каким образом она вышла на нового клиента, — я тете полностью доверяла, — а просто спросила: где, когда и зачем. Получила четкий ответ только на свой первый вопрос, на второй — приблизительный, а вот третий остался «темной лошадкой». Значит, пойдем, посмотрим лошадей.

* * *

Я стояла здесь уже около часа, но ко мне так никто и не подошел, кроме одного неприятного типчика, который по большому секрету сообщил мне, что знает, какая лошадь придет в следующем заезде первой, и скажет это за небольшую часть от моего выигрыша. Он бы, мол, и сам на нее поставил, да только денег у него, бедного, нет.

Я бы обязательно заключила с ним соглашение, если бы не

представляла себе, что это у него за бизнес, старый как мир. Такие вот советчики находят нескольких простаков, каждому из них дают разную информацию, таким образом упоминая каждую лошадь, участвующую в заезде. Когда кто-нибудь из них выигрывает – а это так или иначе случается, – он подходит и забирает обговоренную часть. Главная его задача – не забыть, какую лошадь и кому он называл, а то ведь можно и по морде схлопотать. Конечно, находятся и другие, недовольные, но неудачу на судьбу и на случай свалить можно. В общем, я корректно послала типчика подальше.

Выбор трибуны оказался неудачным – солнце так и лупило мне в глаза, а я, как назло, забыла дома солнцезащитные очки. Проклиная все на свете, я решила остаться здесь до конца заезда, а потом обязательно спуститься в кафе и выпить холодной минералки.

Лошадь, на которую я поставила, не прикладывала абсолютно никаких стараний, чтобы оправдать возложенные на нее надежды. Она мотала головой из стороны в сторону, будто отмахиваясь от мух или делая мне непонятные знаки.

На самом деле очень легко загореться азартом, когда находишься вот в таком месте, где все орут и машут руками, обливаются потом то ли от жары, то ли от волнения и совершенно не обращают на других никакого внимания.

Один мой знакомый еще давно как-то сказал мне: «Если хочешь почувствовать себя одинокой – иди на ипподром». И действительно, людей здесь всегда очень много. Они стоят

к тебе так близко, что ты чувствуешь движение их грудной клетки, но на самом деле никто тебя в упор не видит. И ты никого не видишь, кроме, разумеется, объекта, на который сделана твоя ставка. Имеется в виду лошадь там, на поле ипподрома. А сам ты остаешься с собой наедине, испытывая свою судьбу, а это дело личное, можно даже сказать, интимное.

Да, ты можешь кому-то улыбаться, пить с кем-то пиво на засыпанных отыгравшими свое билетами трибунах, но тебе всегда будет казаться, что все кругом придурки, а ты один знаешь, что надо делать. И что именно тебе повезет, просто нужно потерпеть немного.

Наверное, я бы тоже могла так безумно и отчаянно предаваться стихии азарта и страсти. Но в «Ворошиловке» меня учили держать свои чувства в узде, а я была прилежной ученицей. Кроме того, сегодня я была здесь ради работы, так что увлекаться себе не позволяла.

Я следила за своей лошадей до последнего момента. Однако, хоть и была новичком, мне не повезло. Нельзя сказать, что я расстроилась, просто решительно развернулась и чуть ли не столкнулась нос к носу с другим болельщиком.

– Женья?

На меня смотрел веселый мужчина с зелеными глазами. Лицо его светилось улыбкой, будто он несказанно рад нашей встрече. И ко всему прочему было в его взгляде что-то мальчишеское, задорное и даже немного наивное.

– Она самая, – улыбнулась я в ответ, сама того не желая.

– Мне надо поговорить с вами, давайте спустимся вниз.

У него был такой заговорщицкий вид, что я восприняла все это за шутку. Наверное, тетя Мила договорилась с кем-то меня разыграть. Хотя... дня рождения у меня сегодня нет, да и апрель давно прошел. Пока мы спускались в кафе, я лихорадочно стала вспоминать, какой еще праздник у меня может быть. Мужчина галантно поддерживал меня одной рукой, а второй удивительно просто расчищал нам дорогу в толпе безумных болельщиков.

Внизу на теневой стороне ипподрома находилось кафе. Как только мы оказались под тентом, я облегченно вздохнула и, наконец, смогла раскрыть прищуренные глаза. Невдалеке парень в униформе поливал асфальт холодной водой, распространяя вокруг благословенную свежесть.

– Пива? – отодвинув для меня стул за столиком и пригласив есть, спросил незнакомец.

– Минералки, и похолоднее, – мотнула я головой.

Жаль, что здесь официанты не обслуживают. Моему спутнику пришлось меня покинуть. Но буквально через несколько минут он выбрался из толпы, держа в одной руке две бутылки минералки и пива, а в другой рыжий апельсин.

– Самая холодная, – он поставил бутылки на стол и сел, придвинувшись ко мне поближе. – Вам тетушка рассказала уже?..

– Она решила предоставить это вам, – я почувствовала

себя неловко от его близости, но тут же собралась.

– Я хочу предложить вам меня охранять, – просто сказал он и улыбнулся.

– Позвольте спросить, от кого?

– Не знаю.

– Тогда с чего вы об этом подумали? Что-нибудь произошло? Давайте сразу договоримся: либо вы все мне рассказываете, либо я иду смотреть следующий заезд, – сразу предупредила я.

– За мной следят. Совсем недавно я заметил это. И кажется мне, что это связано с моей работой. У меня намечается одна довольно выгодная сделка, и, возможно, кто-то хочет мне ее сорвать.

– Кем вы работаете?

– Я занимаюсь оптовой продажей продуктов питания.

Он смотрел на меня в упор своими зелеными глазами и продолжал улыбаться. А я по-прежнему в самом деле ломала голову: серьезно он говорит или просто заигрывает.

– Если вы сейчас же не перестанете улыбаться, то я решу, что вы просто шутите со мной, – решительно заговорила я.

– Я улыбаюсь, потому что хочу вам понравиться, – в лоб сказал мужчина.

– Вы мне понравились. Теперь рассказывайте о деле серьезно, – я даже брови слегка сдвинула.

– В общем и целом я уже все сказал.

– Думаю, у вас обо мне неточная информация, – начала

я. – Видите ли я не занимаюсь охраной от кажущейся опасности, не гоняюсь за призраками. Мало ли что кажется клиенту? Вот когда вы точно будете знать, что вам угрожает опасность, тогда мы с вами поговорим еще раз.

– Вы такая серьезная... – мужчина попытался спрятать улыбку и продолжил более твердо: – Я точно знаю, что мешаю кому-то. Вчера на меня было совершено покушение. Я выходил из своего офиса, и у самой двери в меня стреляли. Но не попали, – улыбка снова вырвалась наружу.

– Я рада за вас. Это меняет дело, – на интуитивном уровне я понимала, что он не шутит. Да, улыбается все время, как придурок, но в действительности мужику, кажется, совсем не до смеха. Кроме того, я совсем забыла, что люди могут и улыбаться. Сейчас все такие серьезные и деловые. Наверное, я просто отвыкла от приветливых лиц.

– Вы согласны? – Его рука дернулась к моей, но потом остановилась.

– Чего именно вы от меня хотите? И на какое время вам требуется охрана? Кстати, знаете ли вы, сколько придется мне платить?

– На днях мне надо будет съездить в Москву, там все и решится. Я имею в виду, что после совершения сделки вы можете быть свободны. Это займет максимум неделю. А об оплате не беспокойтесь, ваша милая тетушка меня обо всем просветила.

– Не сомневаюсь. Как вас зовут?

– Андрей Григорьев. Я думаю, что мы с вами без отцеств обойдемся. И, наверное, стоит сразу перейти на «ты», так нам будет проще.

– Хорошо, я согласна. Когда приступать к работе?

– Сегодня сможешь? – Он достал из кармана нож-брелок и принялся разрезать апельсин.

– Только за вещами надо съездить, – кивнула я.

У меня было немного времени рассмотреть его, пока он занимался апельсином.

Плечистый, крепкий человек с открытым лицом. Темные волосы коротко пострижены. Красавцем его не назовешь: черты лица неумовимо неправильные. Был бы он совсем серой мышкой, если бы не глаза и улыбка. Именно они делали этого мужчину просто неотразимым. По крайней мере для меня.

Глаза зеленые. Взгляд иногда буквально на долю секунды становился очень сосредоточенным, но потом это выражение тут же проходило. Повод для беспокойства, наверное, действительно есть. Просто человек не привык унывать и сдаваться перед неблагоприятными обстоятельствами. Однако он не рисуется и не кокетничает, хотя явно видно, что и не совсем искренен. Я бы его поведение назвала заигрыванием, основанным на желании понравиться мне. Честно сказать, это льстило.

Просто человек не привык унывать и сдаваться перед неблагоприятными обстоятельствами. Что же, кажется, сей-

час у моего нового знакомого не самое лучшее время, но я надеюсь, что смогу помочь ему.

– Тебе, – Андрей протянул мне апельсин. – Скоро последний заезд. Я там одну лошадку знаю. Ешь скорее и пойдем.

Было в его отношении ко мне что-то чуть ли не отцовское. Так он заботливо сказал, чтобы я ела скорее. Я даже задумалась на секунду, кто при ком находится?

Через несколько минут мы вошли в зал, сделали ставку и поднялись на трибуну, на этот раз тенистую. Народу там было не протолкнешься, но это все же лучше, чем стоять на самом солнцепеке.

Прозвучал колокол, и лошади бросились бежать. Мой клиент следил за скачкой с видом знатока. На лице не было волнения, но и улыбки тоже. Андрей Григорьев был серьезен и внимателен. Я не стала мешать ему вопросами, хотя хотела спросить о многом.

Почему-то сейчас стоя вместе с ним в толпе, я вдруг почувствовала какое-то необъяснимое волнение. Подумала: если Андрею угрожают, то ипподром самое замечательное место, чтобы довести до конца то, что задумали его противники.

Взоры всех людей были устремлены на дорожки. Кто-то толкался, пытался пробраться вперед, задевал других локтями.

Я слегка огляделась, насколько это было возможно. Одни головы. И вдруг почувствовала дыхание позади себя. Кто-

то подошел очень близко. Его дыхание было не таким как у всех. Оно было осторожным. Я развернулась, и как раз в этот момент человек сзади выбросил руку вперед, к Григорьеву. Я заметила клинок. Расстояние было минимальным, рывок сильным, но я успела локтем подтолкнуть руку с ножом вверх, и лезвие не воткнулось, а полоснуло Андрея по боку.

Я развернулась и схватила запястье нападающего с такой силой, что нож выпал. Но мужик тоже не дремал. Пока я смотрела, как Григорьев хватается за бок и поворачивается в нашу сторону, он резко стукнул ботинком мне по голени. Видно, у него не простые ботиночки, а с железными набойками, так как я почувствовала резкую боль и на мгновение ослабила хватку. Воспользовавшись этим, мужик юркнул в толпу. Заезд еще не кончился, на нас внимания никто не обратил – подумаешь кто-то пихается. За убегающим сразу сомкнулись ряды, и я поняла, что сейчас мне, пожалуй, лучше остаться с клиентом. Надо посмотреть, что с ним.

Григорьев стоял с идиотской улыбкой на лице, двумя руками держась за свой бок. Крови было много. Надо было срочно пробираться к выходу и вызывать «Скорую».

Я заметила рядом с собой молодого парня, у которого из кармана рубашки торчал сотовый. Свой я забыла дома, как и солнечные очки. Просто напасть какая-то. Я выхватила телефон, а на удивленный взгляд хозяина только махнула рукой, показав на Григорьева. Парень увидел рядом с собой

кровь и оседающего на землю мужчину и заорал. Не ожидала, что мужчина способен поднять такую панику. Думала, только женщины отличаются этим талантом.

– Убили! – орал тот. – Убивают!

– Замолчи, – прикрикнула на него я, подхватывая бледного Андрея и протягивая хозяину сотовый: – На, лучше «Скорую» вызови.

– А!!! – заметался парень и начал расталкивать людей.

Естественно, что его голос, несмотря на шум, был услышан близстоящими людьми, и некоторые тоже стали что-то кричать. Были тут и женщины, которые особенно подливали масла в огонь.

– Что будем делать? – еле слышно спросил Андрей.

– Молчи. Тебе нельзя говорить.

Я одной рукой быстро набрала номер и попросила «Скорую» приехать к ипподрому.

– Нашли место... – Григорьев учащенно дышал.

– Молчи, – я потащила его к выходу.

Люди шарахались от нас, как от прокаженных. И нет, чтобы помочь – только охали и ахали. Андрей был в сознании, но ослабел. За ним тянулась красная дорожка, и я подумала, что надо перевязать чем-то рану, а то и «Скорая» не понадобится.

На мне была только летняя маечка без рукавов и легкие брюки. Я примостила Григорьева на бордючке, стянула с него футболку, разорвала ее и обвязала вокруг тела, затянув

потуже. Потом помогла Андрею встать.

– Как себя чувствуешь? – спросила я.

– Бывало и лучше.

– Сейчас в больницу поедem. Все будет хорошо.

– Я знаю, – Андрей попытался улыбнуться.

Мы снова двинулись к выходу. Тут мне на помощь подбежал какой-то молоденький парнишка. Вместе мы буквально донесли Григорьева до дороги. Как раз в этот момент подъехала и «Скорая».

– Что случилось? – выбежала из машины женщина в белом халате.

– Ножом полоснули.

Мой клиент уже потерял сознание. Его положили на носилки, я села вместе с ним, и мы, наконец, поехали.

* * *

Оказалось, что рана не очень глубокая. Но я все равно ругала себя за то, что, собственно, предвидела нападение, но не предотвратила его. Но действовать в толпе было очень неудобно, развернуться негде. Поэтому даже лица нападавшего я не сумела толком разглядеть.

Григорьеву зашили рану и хотели оставить его в больнице, но он наотрез отказался. И правильно сделал. Сейчас больницы очень ненадежны в плане безопасности. Дома все же лучше. Да и рана не такая уж серьезная. Хотя, если не сле-

дить и за несерьезной раной, она может стать даже смертельной. Но я-то знаю правила ухода за ранеными, поэтому согласилась с решением Андрея уехать отсюда.

– Ты сейчас отвезешь меня домой, а потом поедешь к себе за вещами, – Григорьев, лежа с перевязанным торсом на кровати, снова улыбался. – А здорово ты среагировала. Я даже понять ничего толком не успел. И боль почувствовал уже после того, как увидел рану.

– Ты был просто увлечен, – недовольно ответила я, так как не могла простить себе оплошности.

В палату вошла медсестра.

– Скажите, пожалуйста, у вас можно купить пижаму? Зеленую, в каких врачи ваши ходят, – спросила я.

– Купить? – удивилась она.

– Да. Ему ведь нечего на себя надеть – вся одежда в крови.

– Если надо, я вам просто так дам. Только потом верните. У нас тут не магазин, мы пижамами не торгуем, – отчитала меня она и вышла в коридор.

– А где ты живешь? – спросила я, чтобы прикинуть, в какой район нам ехать и как лучше туда добраться, но ответ Григорьева несколько удивил меня.

– Я за городом живу. Около часа езды. Но зато какой там у меня лес, – восторженно сказал Андрей. – И Волга близко. Не место, а рай.

– Значит, будет в моей работе и что-то приятное, – стараюсь казаться беззаботной и отвлечься от серьезных мыслей,

сказала я.

– Если захочешь, то в твоей работе будет гораздо больше приятного, – Григорьев взял меня за руку и заглянул в глаза.

– Ты не забыл, как моя профессия называется? – прищурившись, спросила я. – Ничего не путаешь?

– Твоя профессия совсем ни при чем, – Григорьев принял обиженный вид.

В палату вошла сестра, вручила зеленый хирургический костюм и напомнила, чтобы мы его принесли в обязательном порядке. А то, если что, у нее адрес имеется.

Я помогла Андрею надеть костюм, потом мы спустились вниз и сели в приемной, так как ждать на улице мне показалось более опасным. Впрочем, сейчас, скорее всего, нападения можно не ожидать, но чего не бывает. Лучше перестраховаться, чем потом локти себе кусать. Я вызвала такси по больничному телефону.

– Ты так и не ответила на мое предложение, – серьезно обратился ко мне Григорьев.

– Я знаю тебя несколько часов, мне этого недостаточно.

– А какое это вообще имеет значение? Ты веришь в любовь с первого взгляда? – перебил меня Андрей. Странно, что он не улыбался.

– Я смотрю, ты веришь.

– Да если хочешь, дело даже не в любви. Либо тебе хочется быть со мной, либо нет. Разве это так сложно? Что ты чувствуешь сейчас?

– Я чувствую голод, – честно призналась я.

– Ты не хочешь об этом говорить?

– Да. Ты нанял меня в качестве хранителя твоего тела. Вот я и постараюсь, чтобы больше никто не смог ему навредить. Ты за это платишь мне деньги.

– Не понял, – Григорьев улыбнулся. – Ты хочешь сказать, что я могу надеяться на большее, если приплачу?

– Глупый. Ты все прекрасно понял. Я не то имела в виду, – я почувствовала, как краска заливает мое лицо. Давно такого со мной не бывало.

Я сильная женщина и меня трудно чем-то смутить. А тут я почувствовала, что Григорьеву это сделать – пара пустяков. Его присутствие как-то необъяснимо действует на меня. Конечно, он мне понравился, но это еще не повод глупо себя вести.

– Это, наверное, наше такси, – Андрей, кивнув на подъезжающую к зданию машину, не стал продолжать разговор. – Помоги мне встать, пожалуйста.

Мы приблизились к автомобилю. Я открыла заднюю дверцу и помогла Григорьеву сесть. Сама обошла и села с другой стороны.

– Что, доктор, спину прихватило? – обернулся таксист.

– Ага, – ответила я за Андрея и повернулась к нему. – Ну, говори, куда мы едем.

Глава 2

Место на самом деле было замечательным. Мы выехали из города, а потом долго ехали по лесу. Воздух сразу посвежел, и запахло хвоей. С правой стороны между высоких сосен иногда мелькала Волга, с другой стороны дороги стеной стоял лиственный лес, захотелось выйти и подышать, окунуться в этот мир. Я подумала: как давно я не выезжала на природу и как везет людям, которые здесь живут.

Мы подъехали к шлагбауму. Нас остановил человек в форме и спросил, к кому мы едем.

– Привет, Олег, это я, – высунулся Григорьев. – Кстати, эта симпатичная девушка будет приезжать теперь сюда довольно часто. Запомни ее и пропускай без промедления.

Олег наклонился к окну и стал меня изучать.

– Ага, действительно симпатичная, – одобрил он.

– Не собачку рассматриваешь, хватит уже, – огрызнулась я на его ухмылочку.

Шлагбаум подняли, и мы проехали. Вскоре среди леса начали мелькать редкие домики с маленькими заборчиками. Хотя правильнее эти домики было бы назвать маленькими дворцами.

– У тебя такая же архитектура? – показала я на вычурный дом, видневшийся вдалеке от основной дороги.

– Нет. Гораздо скромнее.

– Радует, – я отвернулась к окну, постоянно чувствуя на себе взгляды Григорьева.

– Хорошо живете, доктор, – прокомментировал таксист.

– Угу, – кивнул Андрей.

Мы свернули направо, и дорога стала уже.

– Скоро будем на месте, – сказал Андрей.

Наконец, за очередным поворотом, за деревьями показался дом. Мы подъехали к воротам.

– Дальше сами дойдем, – Григорьев стал открывать дверь.

– Подожди, – остановила я его, – я обойду.

Выбравшись из машины, я вдохнула полной грудью, огляделась по сторонам и только после этого открыла дверь Андрею.

– Хорошее место в прятки играть, – сказала я ему, – сам никого не увидишь, зато ты как на ладони.

Григорьев понял, на что я намекаю, но развивать тему не стал.

– Проводи меня до дома, а потом на этом такси обратно поедешь за вещами, – сказал он.

– Нет, расплатись с водителем.

Андрей хотел еще что-то сказать, но по выражению моего лица понял, что спорить со мной бесполезно. Он заплатил, машина уехала, а мы пошли к дому.

– У тебя всегда незаперто? – спросила я, открыв калитку. – Заходи – не хочу, называется. Замок хоть есть?

– Конечно. На ночь вешаем, – кивнул он и добавил: – Почти всегда.

– А с кем ты живешь? – поддерживая почти полностью повисшего на мне Григорьева, спросила я.

– Ну, не один же, – с улыбкой ответил он. – Разве может такой интересный мужчина в полном расцвете сил и лет жить один?

– Мне тяжело, – слегка присела я. – Ноги у тебя здоровые, давай-ка сам иди, не сачкуй.

– Почему не спрашиваешь дальше?

– Спрашиваю.

– Со мной живет Любаша. – Андрей хитро прищурился. – А еще два помощника.

– Любаша в курсе того, что ты нанял телохранителя?

– Еще нет. Никто не знает.

– Любишь преподносить сюрпризы?

– Ага.

Собака у будки увидела своего хозяина и принялась радостно повизгивать и усиленно вилять хвостом.

– Грета, умница моя, соскучилась, – ласково сказал ей Григорьев.

Мы вошли в открытую дверь, прошли через коридор и очутились на кухне.

У плиты стояла полная женщина лет пятидесяти и колдовала над кастрюлями.

– Любовь Ивановна... – позвал ее Андрей.

Женщина оглянулась и, увидев повисшего на чужой девице улыбающегося Григорьева, всплеснула руками.

– Андрей, что же вы так? Ой, батюшки, – она подошла к нам. – Что нынче за праздник? По такой жаре?.. Вы же не пьете!

– А я не пил. Просто ранили меня маленько. Ничего страшного – лишний повод прижаться к красивой девушке, – он обнял меня за плечи, но тут же поморщился от боли.

– Ранили? – охнула женщина.

Лучше бы он этого не говорил. Что тут началось... Любовь Ивановна кинулась сначала в одну сторону, потом в другую. Позвала Кирилла и Марата. Те пришли и стали с любопытством осматривать меня с ног до головы, хоть Любовь Ивановна и кричала, что надо спасать хозяина.

– Я уже был в больнице, – показал на пижаму Григорьев. – Мне все сделали. Осталось только зажить ранке. И все.

– Покажи, – сказала женщина и, нахмутив брови, приготовилась к страшному зрелищу.

– Там все перевязано. Ничего не видно. Потом. Познакомьтесь, – Андрей показал на меня, – это Женечка.

– Тетя Люба, – женщина протянула мне руку, предварительно вытерев ее о фартук.

– Кто ж это такая? – спросил черноволосый парень.

– Много будешь знать, плохо будешь спать, – многозначительно отшутился Григорьев. – Марат, Кирилл, – представил он парней.

– Любовь Ивановна, приготовьте Жене комнату. Она проживет здесь некоторое время.

Андрей отцепился от меня и как ни в чем не бывало сам пошел на второй этаж, сделав мне знак следовать за ним.

Его спальня была не очень большой, но очень уютной. В ней не было ничего лишнего, тем не менее создавалось впечатление достаточности.

Андрей осторожно лег на кровать и закрыл глаза.

– Мне нужна комната около твоей, – сказала я. – Кроме того, с этого дня обязательно надо закрывать калитку даже днем, а на ночь и дверь в дом. У вас есть еще выходы в доме и с участка? – Я подошла к окну и выглянула во двор.

– Да.

– Их тоже закрывать. Мне все надо осмотреть, но подозрений я, как ты понимаешь, вызывать не должна. Значит, вставай и пойдем со мной – будем делать вид, что ты просто хвалишься своим домом передо мной.

– Нам никто не поверит, потому что я никогда не хваюсь своим домом. И это, наоборот, будет странным.

– Хорошо. Лежи здесь и никуда не высывайся. А еще лучше я попрошу Любовь Ивановну посидеть с тобой и покормить тебя пока.

– Ты же ведь тоже голодная, – Григорьев хотел подняться, но не смог.

– Тебе нельзя живот напрягать. Перекатывайся через здоровый бок, – посоветовала я, – а лучше лежи пока. Я скоро

буду. Если у вас нормально с обстановкой, то я быстро смо-
таюсь в Тарасов и вернусь. Мне надо машину свою пригнать.
От вас пешком не уйдешь, и «тачку» тут нигде не поймаешь.

— Быть может, я все же с тобой пройдусь?

— Мне кажется, тот, кто хочет тебя убить, никак не ожида-
ет, что ты уже дома полеживаешь. Он, вероятнее всего, ду-
мает, что ты в больнице. Следовательно, сегодня нападения
можно не ждать. Но вот потом...

— Ничего. На днях в Москву поедem. Я там дела свои решу,
и все закончится.

Я оставила Григорьева одного. Спустилась на кухню и по-
просила Любовь Ивановну принести Андрею ужин и поси-
деть с ним немного. Сама же решила осмотреть дом.

На первом этаже находились кухня с большой стеклян-
ной верандой, которая служила, видимо, столовой и гости-
ной, большая кладовка, душ и две комнаты. На втором три.
Та комната, которая была рядом со спальней Андрея, оказа-
лась еще и с балконом. Надо именно ее попросить себе.

Никаких потаенных уголков в доме не было. Я еще уди-
вилась тому, что здесь не так шикарно, как я ожидала. Рай-
он вроде для богатых, а ничего особо дорогого в доме нет.
Значит, Григорьев не стремится к показухе.

Я вышла во двор и обошла дом. Там я увидела большой
участок с огородом, садовыми деревьями и кустарниками, за
которыми виднелся еще один домик. Когда я подошла бли-
же, то поняла, что это не дом, а конюшня, потому что услы-

шала топот и характерное пофыркивание. Около нее никого не было, и я решила заглянуть внутрь.

Открыла дверь и вошла. На меня сразу уставились шесть пар любопытных глаз. Лошади притихли и изредка мотали мордами. Я пошла по земляному полу к другому концу конюшни и вдруг услышала уже знакомый голос:

– Любишь лошадей?

Я повернулась на него и увидела в одном стойле Марата.

– Да, – ответила я, улыбнувшись. – Кто же их не любит?

– Могу устроить прогулку верхом, – он стоял со щеткой в руках и нахально смотрел на меня.

– Я и сама могу ее себе устроить, – осадил его я и сразу задала вопрос: – Давно ты здесь работаешь?

– Второй год, а что? Хочешь спросить, сколько девушек за это время здесь перебивало?

– Что ты думаешь о Григорьеве?

– Я тут работаю, а не думаю, – он бросил щетку в ведро и вышел в проход. – Меня он не обижал.

– А враги у него есть? Ведь его сегодня ранили... Кто бы это мог быть? – прикинулась я дурочкой. – Может, ты в курсе его дел?

– Я ничего не знаю и знать не хочу. Еще не хватало, чтобы и мне перепало. Спасибо.

– Хорошая конюшня, – оглянулась я по сторонам. – Ну, я пошла. Что тут у вас еще хорошего есть?

– Там за малиной тропинка к самой Волге спускается. Ба-

ня там отменная, париться в ней одно удовольствие. Ну ты, я думаю, сама попробуешь.

– Ага, – я развернулась и пошла к выходу.

Спустилась я и к Волге. Какая-либо ограда здесь вообще отсутствовала. Если приплыть по воде, то в дом можно попасть без всяких проблем. Хоть бы как-нибудь огородили... Я, конечно, понимаю, что ограда не препятствие для того, кто решил ее преодолеть. Но по крайней мере хоть от любопытных спасает. Если человек видит, что все настежь, у него может возникнуть желание войти и посмотреть, что к чему. Ведь он вполне может оправдать себя тем, что ему это место показалось заброшенным. На самом деле странно, почему нет забора, если это твое имущество?

Мне ужасно хотелось искупаться в Волге, но я решила отложить это занятие на потом, а сейчас, не теряя времени, отправиться в Тарасов.

– У тебя есть машина? – спросила я Андрея, входя в его комнату.

– Я попрошу Кирилла, он тебя отвезет. Только поела бы сначала.

– Потом. Кстати, у тебя во владении все замечательно, только напрасно заборов ты не любишь. С воды можно беспрепятственно прямо в дом попасть. Разве можно быть таким легкомысленным?

– Да никто этих мест не знает. Там, на реке, такой интересный поворот есть, никто и не догадается, что ко мне про-

никнуть можно. Если, конечно, вдоль берега плыть не будет.

– Кому надо – догадается. С этим определенно надо что-то делать. Ну, ладно, я скоро, – махнула я напоследок рукой.

* * *

Кирилл, в отличие от Марата, оказался парнем скромным. Всю дорогу до Тарасова он молчал, а если что-то и говорил, то только отвечая на мои вопросы. Хорошее качество, особенно когда хочется подумать в тишине.

Однако сейчас мне хотелось узнать как можно больше о его хозяине, а также о том, как им всем живет в доме, кто туда приезжает. Обычно из таких дорожных разговоров можно почерпнуть многое. Но молчаливый Кирилл упорно не желал выдавать хоть какую-то информацию.

Зато он оказался очень хорошим водителем, вел машину как заправский гонщик. Впрочем, так и было на самом деле – он подтвердил это сам в ответ на мой вопрос. Раньше Кирилл занимался автогонками, но потом по личной причине ушел из спорта.

Доехали мы очень быстро. Уже через сорок минут были в Тарасове. Я велела Кириллу ехать обратно, так как хорошо запомнила дорогу и смогу добраться сама, а потом побежала к себе.

– Привет, тетя Мила, – крикнула я с порога. – Отложи на минутку свои детективы и свари мне, пожалуйста, кофе.

– Ты торопишься? – На пороге возникла тетушка.

– Да. У меня работа, – многозначительно сказала я, давая понять, что она появилась с ее легкой руки.

На сборы ушло минуты четыре, так как все необходимое для работы находится у меня практически в полной готовности. Оставалось только покидать разные нужные причиндалы в сумку. Выпив кофе, я чмокнула тетю Милу в щечку и выбежала за дверь.

Верный «Фольксваген» дожидался меня во дворе. Я мысленно поблагодарила себя за то, что только недавно отдавала его в мастерскую для серьезной проверки. Значит, теперь можно не бояться, что внезапно случится поломка.

Я села в машину, хлопнув дверцей, и отправилась в обратную дорогу. По городу пришлось передвигаться до жути медленно, чего лично я не люблю. Поэтому, едва выехав на шоссе, я с удовольствием прибавила скорости. Вспомнив манеру вождения Кирилла, про себя отметила, что вожу машину тоже неплохо.

Был вечер – самое приятное время для загородной прогулки. Солнце склонилось к горизонту и от этого казалось, что стало прохладнее. Однако когда я въехала в лес, прохлада была уже не кажущейся, а самой настоящей.

Откуда ни возьмись, прямо передо мной возникла машина. Она вывернула с боковой лесной дорожки, и я заметила ее чуть ли не в последний момент. Хорошо хоть затормозить успела. Сейчас впереди на небольшом расстоянии шел

джип, не прибавляя газу, но и меня не пропуская. Шутник, видимо, попался. Я взглянула на номер машины и на всякий случай его запомнила.

Сначала я предпринимала несколько попыток обогнать джип, раз тот плетется, но потом решила не поддаваться на провокацию, потому что было похоже, что именно этого от меня и ждали. Пока мы продвигались по лесной дороге таким странным образом, я успела разглядеть необычную наклейку-вензель на заднем стекле. Из каких букв он состоял, я не поняла, слишком затейливо они были переплетены, но общий вид запомнила хорошо.

Перед джипом заранее открыли шлагбаум, так что на въезде в коттеджный поселок он даже не сбавил скорости. Зато мою машину притормозили. Но охранник по имени Олег, увидев меня, разулыбался, записал номер моего «Фольксвагена» в журнал и любезно разрешил ехать дальше.

Прибавив скорости, я увидела, как джип сворачивает к тому самому замысловатому дворцу, который не понравился мне в первый раз своей излишней вычурностью. Вот и хорошо, хоть перестал мозолить мне глаза и можно было ехать без проблем.

Солнце почти село, над Волгой сквозь деревья просматривались его последние лучи. Эх, а водичка сейчас самая теплая, за день нагрелась. Надо будет как-нибудь потом уговорить Григорьева сходить искупаться. Вернее, меня сопровождать. Он же вызвался быть моим кавалером, дав всем это

понять, так пусть исполняет свои обязанности.

Ворота оказались закрытыми. Я очень порадовалась этому факту, который означал, что Андрей все же воспринял мои слова всерьез. Хотя куда ему деваться. Он на собственной шкуре понял, что с ним не шутят. Я нажала на кнопку звонка, хотя, судя по его виду, вряд ли он работал. Все-таки в Григорьеве ужасно много легкомыслия.

Звонок действительно не работал. Во всяком случае, никто не спешил открыть мне. И во дворе, как назло, никого не было. Мне ничего не оставалось, как перелезть через калитку, которая, как и забор, была достаточно высокой. Но моя физическая подготовка вполне позволяла преодолеть это препятствие без проблем.

На кухне я встретила Кирилла.

– Вы уже приехали? – Он единственный в этом доме говорил мне «вы».

– Да. Ты сможешь загнать мою машину? Там калитка закрыта.

– Нет проблем. Только как же вы в дом попали? – искренне удивился он.

– А я мастер спорта по калитколазанию, – отшутилась я.

– Ты уже здесь? – На пороге возникла Любовь Ивановна.

– Только сейчас приехала. У вас все в порядке?

– Да. Там Андрюша тебя ждет не дождется. Твоя комната рядом с его.

– Спасибо. Пойдем, – повернулась я к Кириллу. – Я сумку

свою из машины заберу.

Взяв сумку, я поднялась на второй этаж. Сначала вошла в свою комнату, положила ее, а потом заглянула к Григорьеву.

Он лежал на кровати с закрытыми глазами, и было в этой позе что-то неуловимо незащитное, что заставило меня насторожиться. Я осторожно приблизилась к нему. Наклонилась, чтобы послушать, дышит он или нет, и сама вздохнула с облегчением. Дыхание было спокойным и ровным. Успокоившись, я стала выпрямляться, но в этот момент он резко открыл глаза и схватил меня за руку.

– Что? Поцеловать хотела? Не выйдет.

– Жаль, а я размечталась, – улыбнулась я, но продолжила уже серьезно: – Исправляешься быстро, за закрытые ворота хвалю. Это хорошо. Но надо что-то и с другой стороны придумать. Можешь быстренько какой-нибудь заборчик соорудить?

– Запросто. Позвоню завтра в город. Приедут, поставят.

– Как себя чувствуешь?

– Прекрасно. Ты удачно съездила?

– Да.

Я замолчала. И почему у меня такое ощущение, что мы знакомы с ним уже давно? Вообще-то я не люблю близко сходиться с людьми, не люблю привязываться и привязывать к себе. Работа у меня опасная, и я, выполняя ее, не должна думать, что кто-то обо мне волнуется и кому-то будет плохо, если со мной вдруг что-то случится. Чем меньше родных и

близких, тем менее я уязвима. Сейчас вдруг я почувствовала, что Григорьев может стать для меня по-настоящему родным, я подумала, что надо начинать бороться с неожиданно возникшим чувством.

– О чем думаешь? – прервал Андрей мои размышления.

– Исккупаться в Волге хочется.

– Давай сходим. И я пройдуся.

– Тебе пока еще нельзя ходить. Шов может разойтись. Останемся дома. Ужин пусть тебе сюда принесут, и дверь на ночь не закрывай. Я зайду тебя проведать, – сказала я строго и вышла за дверь, не дождавшись его ответа.

Комната мне понравилась. Большая двуспальная кровать, стол с настольной лампой, шкаф для белья, телевизор. Надо спросить у Григорьева, наверняка у него видеомагнитофон есть. Это было бы совсем замечательно.

Я сложила свои немногочисленные вещи в шкаф, открыла чемоданчик, где лежало оружие, проверила его еще раз. Оставила необходимое, а остальное убрала на антресоль. Достать в случае чего можно сразу, а любопытные туда вряд ли полезут. Если, конечно, таковые здесь найдутся.

После душа я ощутила прилив бодрости и хорошего настроения. В городе даже ночью нет спасения от жары, особенно, если ветра нет. А тут такая благодать! Из открытого окна повеяло прохладой, и я поняла всю прелесть жизни за городом.

Облачившись в джинсы и легкую рубашку, я пошла на

кухню – надо же и мне наконец подкрепиться. Тетя Люба сразу же усадила меня за стол ужинать, а сама села напротив.

– Все уже давно поели, только ты осталась, – она с какой-то родственной непосредственностью называла меня на «ты» и вообще вела себя очень просто.

– Спасибо.

Я уткнулась в тарелку, молча и с удовольствием поглощая приготовленное Любовью Ивановной.

– У вас с ним серьезно? – вдруг спросила она меня.

Я чуть не подавилась и сказала расплывчато:

– Вы спросите лучше его самого, Андрей все объяснит.

– Но мне и тебя хотелось послушать. Он мне как родной все равно, поэтому мне не хочется, чтобы над ним смеялись или им пользовались.

Я понимала, что тетя Люба на самом деле переживает за Григорьева. И не винила ее за то, что она разговаривала со мной в таком категоричном и жестковатом тоне. Она тем временем продолжала:

– Сейчас вон что творится. На него уже второй раз нападают. И мне надо знать, что ты за штука. Вдруг тебя бандиты подослали.

– А какие бандиты могли меня подослать? – улыбаясь, спросила я. – Разве у Андрея есть враги?

– Но ведь кому-то он мешает. Мне все это совсем не нравится.

– Знаете, мне тоже, – задумавшись, сказала я. – И я поста-

раюсь, чтобы Григорьева больше никто и пальцем тронуть не посмел.

– Как-то странно ты его называешь, – тетя Люба удивленно вскинула брови.

– Мне очень нравится его фамилия.

Перед тем как лечь спать, я проверила, закрыта ли калитка, обошла все вокруг, заперла входные двери и только потом поднялась наверх и заглянула к Григорьеву.

Он уже спал. Я прикрыла его дверь и прошла в свою комнату. Разделась и с удовольствием вытянулась на прохладной чистой простыни. Я дала себе установку спать, но очень бдительно. Организм отдыхал, но в любую секунду мог проснуться от каждого подозрительного шороха.

Глава 3

Неожиданно залаяла Грета. Я открыла глаза и прислушалась, однако, кроме собачьего лая, больше ничего не было слышно. Тем не менее я встала, быстро надела черные джинсы и ветровку, взяла фонарь и вышла в коридор. Заглянув в комнату Григорьева и удостоверившись, что с ним все в порядке, плотно закрыла дверь, снова вошла в свою комнату и вышла на балкон.

В доме, кроме нас с Григорьевым, находились еще Любовь Ивановна и Кирилл. Марат, по словам Андрея, даже спал в конюшне, таким страстным любителем лошадей он был.

Я перелезла через балконные перила, повисла на руках, зацепившись за основание, а потом спрыгнула вниз. Пытаюсь привыкнуть к темноте, немного постояла, а затем обошла дом и дернула входную дверь. Она была заперта, значит, ее не открывали.

Вдруг совсем рядом с собой я услышала голос:

– Грета! Тихо, Грета!

Это был Марат. Он неосмотрительно шел по дорожке с зажженным фонариком в руке. Если вслед за Андреем сюда приехали его враги, то Марат сейчас представлял собой превосходную мишень. Однако я не допускала, что злоумышленникам понадобится его убивать, поэтому и останавливать его не стала. Себя выдавать мне незачем, да и об опасности

я подумала скорее по привычке.

Марат подошел к собаке и стал ее успокаивать. Потом приблизился к калитке, осветил во все стороны фонариком и даже спросил: «Есть там кто?» Естественно, ему не ответили.

Я решила снова перебраться через забор и осмотреть дом и участок с внешней стороны. Выбрав место подальше от ворот, я подпрыгнула, схватилась за край ограждения, потом подтянулась, закинула сначала одну ногу, потом другую и в конце концов оказалась наверху. Действовать надо было очень тихо, чтобы не привлечь к себе внимания и не засветиться. Фонарик я по этой причине не включала.

Осторожно прыгнув в траву, я поднялась и направилась к воротам. Отсюда можно было запросто увидеть все, что происходит по ту сторону ограды, сквозь многочисленные щели. Я подошла ближе и заглянула в продолговатую щель между створками ворот. Яркий свет фонарика в руках Марата затмевал собой все остальное.

Зато вокруг меня стояла полнейшая темнота. На небе россыпь звезд, но света от них, как известно, мало, а луны сегодня на небе не было.

Я сделала очередной шаг и внимательно всматривалась в пространство перед собой. Ведомая неясным стремлением, я подалась вперед и увидела, как колышутся кусты. От ветра? Вряд ли, склонялись они в противоположную сторону от его дуновения, да и ветер сегодня не столь уж сильный. Значит,

в кустах кто-то прячется.

Я стала аккуратно продвигаться к кустам, на цыпочках, ступая неслышно, как кошка. И наконец увидела спину человека, который явно следил за домом. Судя по спине, это был мужчина, причем довольно крепкий. Сейчас он выпрямился во весь рост, напряженно глядя перед собой. Марат уже собирался уходить.

Предоставлялся неплохой случай взять «языка». Мужчина никак не ожидал нападения и сам тоже не планировал идти в атаку. Очевидно, его функция заключается в наблюдении. Или он ждет удобного момента, чтобы дать сигнал остальным своим подельникам. Подумав так, я решила пока оставить мужчину в покое и посмотреть, не прячется ли неподалеку еще кто-то.

Я осторожно обошла вокруг дома, стараясь не выдать себя каким-нибудь неосторожным движением, но никого не обнаружила. Вернувшись к воротам, увидела, что мужик все еще наблюдает за домом. Я приблизилась к неизвестному, сделала резкий рывок в его сторону и с силой обхватила его руками.

От неожиданности он обмяк, но потом дернулся, пытается высвободиться, и сделал резкое движение головой назад. Удар пришелся бы мне по лицу, но я расцепила руки, и мужик повернулся ко мне. Не теряя времени, я вынесла колено вперед, при этом моментально развернув корпус на сто восемьдесят градусов, совершила размах согнутой ногой, а за-

тем со всей силой распрямила ее. Удар был сильным и пришелся прямо в грудь противнику. Он отлетел чуть назад, но я вовремя схватила его за ноги и ловким движением перевернула со спины на живот. Потом села на него и заломила назад руки.

– Пусти, – полусшепотом заорал тот, – сломаешь!

– Сломаю, – спокойно, но убедительно сказала я. – Говори, что ты здесь делаешь?

– Заблудился.

– Не мудрено. Ночь-то какая темная. Только мне нужен ответ поконкретнее, – я сделала ему большее, вывернув правую руку так, что она хрустнула.

– Оу-у-у-у! Говорю тебе, заблудился. Решил посмотреть, что это за дом.

– А что ж ты ничего не спросил у того парня во дворе? Тебе ведь его отсюда очень хорошо было видно.

– Чего тебе надо? – Мужик дернул головой и еще громче застонал.

– Кто послал тебя сюда? И зачем? Говори, или сейчас к дереву подвешу, будешь мотаться здесь до утра, и никто тебе не поможет.

Угрозы свои я проговорить успела, а вот привести их в действие – нет, так как меня ударили сзади по голове. Я уткнулась носом в траву и ощутила ее терпкий запах.

Мой пленник вскочил и побежал, а за ним понесся тот, кто нанес мне удар. Моментально встряхнувшись и заставив

себя забыть про боль, я встала и побежала за ними следом. Выключенный фонарик так и болтался у меня на руке.

В темноте приходилось ориентироваться разве что на такие признаки, как шорох травы да сопение преследуемых мною мужиков. Потом я услышала, как открывается дверца машины, быстро включила фонарь и посветила вперед. Машина завелась, дверцы в унисон хлопнули, а через секунду я смогла лицезреть задок черного джипа, стремительно рванувшего с места. Номер машины я разглядеть не успела, а вот монограмму на заднем стекле заметила. Точно такую же я видела сегодня на том автомобиле, который маячил передо мной большую часть лесной дороги.

Я дотронулась до своей головы, отчего на ладони осталась теплая кровь, и вздохнула. Этих ублюдков все равно уже не догнать, придется возвращаться в дом, так ничего особо полезного и не узнав. В глазах у меня потемнело, а это нехороший признак. Нужно срочно лечь.

Мне пришлось снова перелезть через калитку. Прodelала я это просто мастерски, но вот дальше возникла небольшая проблемка. Взобраться на балкон непросто, особенно после того, как тебя стукнули по голове. Да и вообще находится он высоковато. Одно дело спрыгнуть с него, и совсем другое – подняться вверх.

Стучаться в дверь и будить всех? Нет, это не выход, надо придумать что-то другое. Можно пойти на конюшню и попросить Марата помочь, ведь у него, вероятно, и ключи есть.

Но мне не хотелось, чтобы он видел меня в такое время и в таком виде. И вообще, не следует никому знать о случившемся. Придется самой выкручиваться.

Я зашла в беседку и села на лавочку. Хорошо хоть, сигареты с собой. Затаившись, я подняла голову вверх и посмотрела на звезды, вспоминая, как в «Ворошиловке» нас учили по ним ориентироваться. Интересное, надо сказать, занятие.

Я курила и перебирала в голове все, что сегодня видела и что могло бы пригодиться мне сейчас, чтобы проникнуть в дом. И тут меня осенило: возле бани стояла лестница. Как же я забыла! Поднявшись, я побежала с сигаретой в руках к Волге, к тому месту, где и располагалась баня.

Спустившись по тропинке к реке, я подошла к деревянному строению, бросила окурок в металлическую урну, предусмотренную специально для этого, взвалила на плечо лестницу и понесла ее к дому. Ну и ночка у меня выдалась в первый день пребывания за городом!

Дотавив, я приставила лестницу к балкону и спокойно поднялась вверх. Теперь надо было скрыть следы своего ночного бодрствования. Пришлось тихонечко спуститься вниз и открыть дверь на улицу. Но перед этим я еще раз заглянула к Григорьеву. Он спал сном младенца, видно, сказывалось принятое лекарство.

Очувившись снова на улице, я взвалила лестницу себе на плечо и понесла к бане. Вниз с ней спускаться было легче, чем когда я проделывала этот путь в первый раз. Поставив

лестницу на прежнее место, я вернулась в дом, закрыла за собой дверь и поднялась к себе в комнату.

Включив свет и посмотрев в зеркало, висевшее на стене, я увидела выражение своего лица. М-да... Наверное, именно по поводу такого вида говорят: краше в гроб кладут. Все-таки зря я не придаю значения полученному удару, бледность лица явно свидетельствует о том, что он был неслабым.

Я осторожно потрогала ушибленную голову. Теперь, когда все дела были сделаны и я смогла расслабиться, боль снова стала ощутимой.

Достав маленькое зеркальце, я примостилась около трюмо и попыталась определить серьезность нанесенной раны. Сквозь засохшую кровь проглядывалась небольшая, но и не пустяковая ранка, которую, по-хорошему, следовало бы зашить. Однако ехать сейчас в больницу не было никакой возможности, да и Григорьева одного оставлять нельзя. В аптечке я нашла пластырь и отрезала от него тоненькую полоску. С ее помощью я стянула концы раны, предварительно аккуратно сбрав волосы вокруг нее.

Да уж, поговорка про то, что красота требует жертв, ко мне никак не подходит. Хотя о внешности своей я и забочусь, однако неоднократно уже жертвовала ею в угоду работе. Сейчас следовало постараться прикрыть место «бандитской пули», раз уж я решила ничего никому не сообщать о ночном приключении. И я это сделала с помощью волос, зачесав их так, чтобы они закрывали рану. Потом легла спать.

За окном светало. И темные ночи когда-нибудь да кончатся.

* * *

Мой сон был тревожным и непонятным. Открыв глаза и сев на постели, я могла реально вспомнить только одно — изображение монограммы, которое не желало исчезать из моего поля зрения даже после пробуждения. Оно не давало мне покоя, его вычурные очертания так и стояли у меня перед глазами.

Я встала. Часы показывали шесть, и весь дом еще спал.

Найдя листок и карандаш, я попыталась зарисовать пресловутую монограмму, которую видела на заднем стекле машины, пока ее очертания были свежи в памяти. Вот если бы я и буквы в том вензеле разобрала... Но результат все равно удовлетворил меня — получилось очень похоже, недаром монограмма снилась мне этой ночью.

Снова лечь не хотелось, да и вряд ли бы мне удалось заснуть, когда в окно заглядывало такое восхитительное утро. Подумав, я накинула ветровку, так как утренняя прохлада была очень даже ощутимой, и вышла на балкон. Я намеревалась выкурить сигарету. Вообще-то, мне не свойственно курить натошак, но с другой стороны, кто возразит, что под сигаретку лучше думается? Время от времени я прибегаю к этому способу, стараясь собрать свои мысли и рас-

сортировать их «по полочкам».

Соловьи заливались как сумасшедшие. Они так красиво выводили свои трели, что я пожалела о том, что рядом нет человека, достойного разделить со мной это утро. Я смотрела на сад и лес вокруг дома Григорьева и представляла себе, что попала в настоящую сказку. Этот лес, подернутый пеленой тумана, этот терпкий запах речной воды, доносившийся сюда ветром с Волги... Все хорошо, если бы не одно «но». Я прекрасно помнила, почему нахожусь здесь.

Интересно, в котором часу просыпаются обитатели дома? Наверное, рано. Григорьеву ведь в Тарасов на работу надо ездить, значит, вставать необходимо как минимум в шесть. А сейчас уже было начало седьмого.

Только я подумала об Андрее, как он оказался тут как тут.

– Ты проснулась? – Он встал рядом со мной и передернул плечами от прохлады.

– Зачем встал так рано? На работу тебе сегодня лучше не ездить.

– Не могу больше. Все бока отлежал, – улыбаясь, сказал он.

Григорьев выглядел вполне прилично. Он посвежел, порозовел и даже мог стоять прямо. Но все равно можно было понять, что бок у него болит, так как движения его были осторожными и слегка замедленными.

– Тебе нравится? – Он окинул неопределенным жестом пространство вокруг.

– Да, хорошо тут у вас, – согласилась я.

– Скоро молоко привезут. Настоящее, парное, – чуть ли не облизнулся Андрей и, увидев мой вопрошающий взгляд, пояснил: – У нас тут молоко на машине возят. Из соседней деревни. Они уже знают, кто покупает постоянно, и привозят каждое утро, а если надо, то и вечером.

– Хорошо ты устроился. Только вот я молоко не люблю.

– Это ты просто городское не любишь, – сказал Андрей, – а здесь попробуешь – обязательно понравится.

– Посмотрим.

Я услышала, как внизу начала греметь кастрюлями тетя Люба.

– Любаша моя уже встала, – ласково сказал Григорьев, – а вон и машина с молоком едет. Пошли вниз.

Андрей вышел из комнаты и, медленно переступая, стал спускаться вниз. Я быстро оделась и последовала за ним.

Тети Любы на кухне не было, она пошла встречать машину. Зато здесь сидел Марат. Лицо его, как, впрочем, и всегда, было веселым и немного нагловатым.

– Доброе утро, – улыбнулся Григорьев.

Я тоже поздоровалась.

– Привет всем, – ответил Марат. – Как спали?

– Превосходно, – Андрей сел на табуретку у деревянного добротного стола.

Вошла Любовь Ивановна, а за ней и Кирилл. В руках у парня был бидон с молоком, а у тети Любы – творог и банка

со сметаной.

– Вот все и в сборе, – Любовь Ивановна поставила на стол кружки, налила в них молока и села. – Ночью чего-то собака лаяла, – сказала она невзначай.

– Ага, – кивнул Марат, – я ходил смотреть, но никого не было.

Григорьев искоса посмотрел на меня, но я разговор поддерживать не стала. Хотя лично мне и было бы проще, если бы все знали, что я – телохранитель. Это открыло бы мне полную свободу действий, которой сейчас так не доставало. Но клиент всегда прав – это давно известно. Андрей сам определил, какую роль я буду играть для окружающих, поэтому я и молчала.

Любовь Ивановна с Кириллом стали накрывать на стол, раскладывать по тарелкам горячую картошку.

– Сегодня полежу еще денек, но завтра поеду на работу, – сказал Григорьев, потом повернулся ко мне, – и ты со мной.

Последнее было сказано для присутствующих. Чтобы они потом не спрашивали, почему это я с ним вместе на работу еду. Пусть думают, что это прихоть хозяина.

Вообще-то я заметила, что никто здесь не относится к Андрею как к хозяину. Скорее, как к другу. Мне даже показалось, что все эти люди – родственники, так мило разговаривали они друг с другом. Умеет, однако, Григорьев подбирать себе окружение.

– Вздумал чего, – недовольно сказала тетя Люба, – на ра-

боту собрался. Она без тебя обойдется. Тебе о своем здоровье подумать надо. Ничего страшного не случится, если ты подольше дома побудешь.

– Сейчас никак нельзя. Мне ведь и в Москву надо, – упрямо тряхнул головой Андрей.

– Отговори его, – повернулась ко мне Любовь Ивановна. – Куда он такой поедет?

Приятно было осознавать, что эти слова относятся ко мне. Только вот в ответ что сказать? И пришлось повторить:

– Андрей пусть решает сам.

Очень глупо получилось. Прямо-таки ответ жены-отличницы, мол, как муж скажет, слова не имею.

Но больше никто за столом на эту тему не говорил.

После завтрака я пошла за Григорьевым в спальню, – ему захотелось снова лечь. Я подождала, пока он устроится удобнее и расслабится, и задала интересующий меня вопрос.

– Когда я вчера к тебе ехала, видела машину с очень интересной монограммой. Ты не знаешь, что она означает?

– Тебе тоже интересно? Вот на это он и ловит людей, – засмеялся Андрей. – У меня, знаешь ли, сосед такой. Он себя графом каким-то там считает. Говорит, что у него даже документы соответствующие имеются. Монограмму, наверное, сам придумал, а утверждает, что она старинная.

– Почему ты смеешься? Разве такого не может быть на самом деле? – удивилась я.

– Может. Да только очень уж неожиданно у него все про-

изошло. Лет пять назад вдруг объявил себя графом. Видела, какой дом себе выстроил? Там на дороге, помнишь, ты еще внимание обратила? Это его. Он лошадей разводит, званые обеды устраивает. Скоро балы, наверное, будут.

– Сколько у него машин?

– Три, я точно знаю, – ответил Андрей.

– А живет с кем?

– Что это он тебя так заинтересовал? – насторожился Григорьев и внимательно на меня посмотрел.

Разумеется, сейчас он просто надо мной подшучивал, а не ревновал меня к какому-то ненормальному графу, которого я знать не знаю и которого он сам всерьез явно не воспринимает. Но я тем не менее пояснила:

– Его машина так долго ехала передо мной, что я невольно обратила на нее внимание. Только ты все-таки ответь на вопрос.

– Тебя интересует, есть ли у него жена? – уточнил Григорьев. – Да он старик уже.

– Нет. Я просто спросила, кто еще живет в том дворце. Для кого можно выстроить такие хоромы?

– Он да прислуга его. Родных никого.

– Ясно. А какие у вас с ним отношения?

– В принципе мы нормально уживаемся. Видимся редко. Так что мне без разницы, что он в очередной раз выкинет. Не буянит, и все, – с неохотой ответил Григорьев, и мне показалось это подозрительным.

– Давай в гости к нему сходим или сюда позови, – закинула я удочку.

– Мы поссорились с ним. Так что не хочется мне навещать его или здесь видеть.

– А что случилось?

– Да так, ерунда. Все ссоры между соседями бывают из-за ерунды. Пристал ко мне, чтобы я лошадь ему продал. И к матери моей клеится.

– Тебе это не нравится?

– В принципе мне все равно. Слушай, пойдем немного прогуляемся. Чувствую я себя уже гораздо лучше. Даже ходить легче. Пойдем, покажу тебе лошадок своих, – Андрей встал и полез в шкаф выбрать для себя одежду.

– Я видела твоих лошадок вчера, – сказала я.

– Марат меня опередил?

– Я сама заходила. Он, конечно, предлагал мне прокатиться, но мне некогда было, а так согласилась бы, – я почувствовала, что говорю это специально, чтобы заставить Григорьева немного поревновать. Хотя зачем мне это? Но результата я, похоже, добилась.

– Марат тебе и не то предложить может. Только вот я бы сто раз подумал, прежде чем соглашаться.

– На твоём месте и я бы сто раз подумала, – отшутилась я. – Пошли. Вашим воздухом никогда дышать не вредно.

Я помогла Григорьеву одеться. Он не мог сделать этого самостоятельно, так как движения все же доставляли ему боль.

Потом мы спустились вниз и пошли к конюшне.

Глаза Андрея сразу засветились, как только он увидел своих любимцев. Сначала он подошел к одному вороному красавцу и потрепал его по гриве, что-то ласково шепча ему.

– Это мой Ибрагимушка, – повернулся он ко мне.

Потом Андрей ходил к другим и так же ласково говорил с ними.

– Эх, прокатился бы я сейчас верхом, да не могу. Женя, а ты не хочешь?

Мне, конечно, хотелось. Только вот клиента своего я оставить одного не могла.

– С удовольствием прокачусь, но только попозже. Вместе с тобой прокатимся. Не иначе.

– А я бы на твоём месте не удержался. Не вовремя я в такую передрагу попал. Сейчас бы катался с тобой на лошадях, гулял по лесу. Пикничок можно было бы устроить. Хотя, с другой стороны, если бы не вся эта история, то я тебя и не встретил бы. Зачем мне нужен был бы телохранитель? Да. Вот и думай, что хорошо, а что плохо.

Мы вышли из конюшни и по тропинке стали спускаться к берегу Волги.

Еще и полдень не наступил, а уже снова становилось жарко. Небольшие волны тихо набегали на берег и отступали обратно. Вообще, берег здесь был каменистым, но в одном месте специально для купания был насыпан речной песок.

Чуть дальше от берега стояла деревянная баня, около ко-

торой я ночью брала лестницу. Окошко в ней было таким маленьким, да и сама она не могла вместить много народа. Наверняка только для своих банька была сделана. А если гости и бывали, то толпой туда явно не ходили.

Я снова повернулась к воде и увидела неподалеку от берега лодку. В ней сидел старичок и умело, не торопясь, работал веслами. Одет он был во все белое, и на голове его белела шляпа с широкими полями. Этот пожилой, сухонький, но бодрый мужчина производил впечатление этакого щеголеватого франта. Я представила его с изящной тросточкой и поняла, что этот образ пойдет ему как нельзя лучше.

– А вот и сосед, легок на помине, – негромко произнес Григорьев.

Он стоял и молча смотрел, как лодка приближается. А она вдруг повернулась к нам так, что человек на веслах стал виден только со спины, и прямым курсом направилась к берегу. Но приставать к нему сосед, видимо, не хотел. Он повернул лодку боком, снял одной рукой шляпу и сказал, глядя на нас:

– Приветствую вас, Андрей Юрьевич. Как поживаете? – А взгляд его внимательно и придиричиво изучал меня.

– Замечательно поживаю. А вы, Иван Сергеевич?

– Не жалуюсь. Познакомите меня с вашей очаровательной спутницей?

– Это Евгения.

– Какое чудесное имя, – воскликнул старичок и обратился ко мне: – Вам очень к лицу. А меня зовут Иван Сергеевич

Мелихов.

– Приятно познакомиться, – кивнула я головой.

– Знаете что, Андрюша? Вы чем сегодня в обед занимаетесь? Не работаете сегодня?

– Взял себе выходной, – ответил Григорьев.

– Тогда приглашаю вас вместе с Женечкой ко мне, часам к двум. Я попрошу своего повара приготовить нам что-нибудь необычное. Да и просто поговорим. Давно мы с вами не беседовали.

Андрей вопросительно посмотрел на меня. Я лишь плечами повела. Мол, мне-то какая разница.

– Хорошо. К двум часам обязательно будем, – ответил Григорьев.

Иван Сергеевич махнул нам рукой и поплыл в обратную сторону. Наверное, повара предупредить.

Глава 4

– Теперь вот на обед к нему идти, – немного недовольно пробурчал Григорьев.

– Все лучше, чем дома в двух стенах сидеть, – еще раз пожала я плечами.

Лично мне хотелось побывать у таинственного соседа. Мало того что своей вычурностью он представлял интерес сам по себе, но мне нужно было узнать о нем побольше, потому как, кажется, именно на его машине приезжали к нам ночные визитеры. Один из них еще и по голове меня стукнул. Быть может, в доме графа я смогу увидеть то, что меня интересует, узнать что-либо. В любом случае обед с соседом должен быть полезным.

Мы медленно поднялись по тропинке, возвращаясь к дому. Наша прогулка была недолгой, но у Андрея заболел бок. Впрочем, это вполне естественно. Хорошо, что рана была неглубокой, а то я вообще не разрешила бы ему вставать.

Я проводила Григорьева до его комнаты.

– Если что, я рядом, за стеной. И напоминаю тебе, что ты хотел насчет заборчика позвонить.

– Помню, – сказал Андрей, – сейчас займусь. Мне еще и по работе позвонить надо.

Он устроился на кровати с телефоном, бумагой и ручкой, а я вышла в коридор.

Конечно, мне хотелось послушать, о чем он говорит. Если Андрей кому-то перешел дорогу, то вполне резонно предположить, что его враг находится где-то рядом. Возможно, их конфликт связан с работой. Ведь недаром Григорьев говорил про намечающуюся крупную сделку.

Причина такой заинтересованности окружением Андрея заключалась в том, что я пыталась определить, откуда можно ожидать потенциального удара. Ясно, что кто-то имеет на моего клиента большой зуб, а я же должна оградить его жизнь от любых посягательств. Неудивительно, что в этой ситуации меня интересовали любые контакты Григорьева с внешним миром.

Мне всегда казалось странным, когда клиент нанимал меня на работу и при этом хотел сохранить свою деятельность в секрете. А как же мне тогда работать? Как действовать, если не знаешь, откуда исходит опасность?

Сегодня я еще потерплю, но завтра Григорьев едет на работу и я с ним. И пусть только попробует сказать, что я ему в чем-то мешаю. Я буду действовать на свое усмотрение и попытаюсь узнать все то, что он от меня скрыл.

Я легла на диван и закрыла глаза. Надо поспать немного, пока все тихо и спокойно.

Ровно через сорок минут я проснулась, как и планировала. За то время, что я спала, никакого шума не было. Тут я абсолютно уверена, так как сон у меня очень чуткий, и я слышу любой шорох.

Время подходило к двум часам. Я надела легкое разноцветное платье и пошла за Григорьевым. Он сидел за столиком возле окна и делал какие-то записи.

– Надо идти, – напомнила я.

Андрей переоделся, мы вышли, сели в машину, и Кирилл повез нас к Мелихову.

Ворота его владений были открыты, так что мы беспрепятственно проехали на соседскую территорию. Нас уже ждали. У двери стояла высокая, строго одетая женщина лет сорока с дежурной улыбкой на лице. Она проводила нас на задний дворик, где на улице у большого бассейна стоял накрытый стол. Вот люди! Волга под боком, а они себе бассейны устраивают.

– Очень рад вас видеть, – приветствовал нас Иван Сергеевич, выходя из дома. – Прошу вас, присаживайтесь.

Хотя я и не видела внутреннее убранство дома, однако его внешний вид производил огромное впечатление. Наверное, хозяин потратил громадные деньги, чтобы превратить свое жилище в настоящий дворец. По его задумке, дом должен был воссоздавать стиль графских жилищ, и, надо сказать, архитектор действительно добился того, что при взгляде на это строение создавалось ощущение, будто находишься в обители аристократов.

– У вас здесь очень любопытно, – сделала я комплимент хозяину, – так необычно, прямо как в настоящем замке.

Я попала в точку. Иван Сергеевич улыбнулся, расцвел и

даже порозовел от удовольствия. Одет он был уже в другой костюм, сменил утренний белый на более темный, но казался в нем столь же изысканным и элегантным.

– Рад, что вам нравится, – Мелихов сел напротив меня. – Видимо, Андрей Юрьевич уже успел вам рассказать, почему у меня так все необычно.

– Мне хотелось бы услышать это от вас.

Человеку всегда приятно говорить о себе. Тем более хвалиться. И я дала Мелихову такую возможность.

– Я граф по происхождению. Сейчас, вы знаете, можно восстановить свой титул, не скрывать свои корни и, не стыдясь, говорить о своей родословной.

– Значит, вы граф? – без тени улыбки спросила я.

– Самый что ни на есть настоящий.

Уже потом, после обеда, когда хозяин предложил мне устроить экскурсию по своему владению, я еще больше утвердилась в своем мнении об искусстве архитектора, а заодно и дизайнера. Лепнина на потолках была выкрашена золотой краской, на стенах штофные обои светились золотистым замысловатым рисунком. Старинная мебель как нельзя лучше подходила к отделке стен и потолка, и даже телефонный аппарат на столике был в стиле конца XIX века.

Григорьев сидел рядом со мной спокойно и не выражал никаких эмоций. Я вспомнила первые часы нашего знакомства. Меня тогда поразило то, что мой новый клиент постоянно улыбается, открыто и доброжелательно. Я все не могла

понять, как он может делать это все время. А теперь и тени улыбки не было на его лице. Казалось, он чем-то сильно озабочен. Как будто совсем другой человек сидел сейчас рядом со мной.

Весь обед разговаривали в основном только мы с Иваном Сергеевичем. Андрей иногда отвечал на вопросы, но сам никакой инициативы не проявлял.

По окончании трапезы Мелихов воодушевился идеей показать мне дом, чего я, собственно, и добивалась. Но Григорьев не хотел идти с нами, а мне оставлять его ну никак нельзя было. Пришлось притвориться, что я не хочу идти без него, но сделать вид, что мне очень обидно, и этим все-таки настоять на своем.

Мелихов отлучился на минуту, оставив нас с Андреем в большой и просторной гостиной, и я решила провести своеобразную воспитательную беседу со своим клиентом.

– Ты же знаешь, что я не могу никуда уйти, оставив тебя одного, – сказала я Григорьеву. – Я думаю, нам стоит посмотреть на дом, тем более что он действительно особенный.

– Да видел я его! И ничего в нем особенного нет. Все в том же духе, напоминает вот эту гостиную. И, мне кажется, за городом я в безопасности. Вот завтра поедem на работу, там и начнется твоя деятельность телохранителя.

При последних моих словах вошел Мелихов. Вид у него был беззаботный, но я опасалась, что он услышал последнюю фразу, сказанную Григорьевым довольно громко.

– Я одну вещицу вам показать хочу. В антикварном магазине купил недавно. Представляете, прекрасный старинный буфет. И как у человека поднялась рука продать его! Хотя в принципе мне даже это на руку. Идемте в столовую.

Мы прошли в столовую. Едва я перешагнула порог, меня как током дернуло: там находился тот самый тип, которого я ночью застукала возле дома Григорьева. Мужик мило поздоровался с нами, чуть задержав на мне взгляд, и вышел. Я помедлила несколько мгновений и, извинившись перед хозяином, вышла за ним, не слишком заботясь о том впечатлении, которое произведу на него своим поступком.

– Привет, – догнала я ночного незнакомца уже во дворе.

– Ну что тебе? – невежливо отозвался он.

– Зачем же так с женщинами поступать? – схватила я типа за рукав.

– А ты мне чуть руку не сломала, – он пытался высвободиться, но я крепко вцепилась в его рубашку.

– Давай-ка Расскажи мне, дорогой, что ты делал у дома Григорьева? Или мне у твоего хозяина спросить? Пойдем, выясним?

– Если рассказать все, как было, то боюсь ты мне не поверишь. Глупо так получилось, – начал оправдываться он. – Мы на самом деле кошку графскую искали. Убежала она. Вот мы и рыскали. Иван Сергеевич больно волновался.

– А зачем вешал мне лапшу на уши, что заблудились?

– Ты же нас за дураков бы приняла. Нам и самим в лом

было по лесу ночью лазать. Утром бы кошка сама пришла, но Мелихову приспичило. Найдите, говорит, немедленно, и все тут.

– А твой товарищ, что по голове меня стукнул, видимо, подумал, что я собака и хочу кошку хозяйскую съесть. Решил обезвредить?

– Он за меня заступался.

Тут я услышала голос Мелихова и поспешила пойти ему навстречу, чтобы он меня не увидел рядом с этим типом.

– Смотри, еще раз увижу возле нашего дома, – бросила я напоследок, – точно руки переломаю.

Я вернулась к мужчинам, извинилась за внезапную отлучку и задумалась, хотя и делала вид, что внимательно слушаю хозяина.

Нельзя сказать, что я поверила этому кошкоискателю. Но с другой стороны, причуды у господ разные. Вполне могло случиться, что мужик сказал правду. Тем более что перелезть через калитку они с напарником не собирались, а только в кустах отсиживались. Ладно, в любом случае будем иметь в виду, что с ними нужно быть внимательнее.

Потом мы быстро распрощались с хозяином дома, а Григорьев даже пригласил его прибыть с ответным визитом, на что получил радостное согласие. Во дворе Андрей вызвал по сотовому Кирилла, который подъехал буквально за пять минут, пока мы наслаждались красотами природы.

– И что ходили? Непонятно, – бурчал в машине Андрей. –

Только время потеряли.

– Не скажи. Мне, например, очень понравилось. Такой обходительный, внимательный старикан этот Иван Сергеевич. Да к тому же еще и граф. Невесты, поди, осаждают?

– Какие невесты? Только мама моя и смотрит на него разинув рот.

– А мне кажется, он – нормальный мужик.

– Все. Не хочу об этом говорить, – отрезал Григорьев и отвернулся к окну.

Мы немного помолчали.

– Значит, завтра едем на работу? – спросила я.

– Да. Больше ждать я не могу. И тебя отвлекать слишком долго тоже.

Я дотронулась до руки Андрея и глазами показала на сидящего впереди Кирилла. Он ведь не был посвящен в то, что я нахожусь при Григорьеве, чтобы его охранять. Значит, нужно держать язык за зубами и следить за разговором.

Андрей все понял и закрыл глаза. То ли извинялся, что забыл о правилах придуманной им игры, то ли рана сильно давала о себе знать.

Вернувшись домой, я проводила Григорьева в его комнату, а сама закрылась в своей. Плюхнувшись на кровать, я устала в потолок. Хороша работка, ничего не скажешь. Лежу тут, прохлаждаюсь в прямом и переносном смысле. А вдруг все, что Григорьев мне наговорил, – выдумка чистой воды? Можно ли считать покушением то, что случилось на

ипподроме? Ведь нападение могло быть и случайным. Мало ли на свете разного рода придурков или, скажем, наркоманов?

Странное все же здесь место. Такая тишина и спокойствие, что все опасное кажется далеким и даже нереальным. Даже мне стало как-то не до работы. Да еще это внимание, которое оказывает мне Андрей.

Нет, все! Надо встряхнуться, пока совсем не затянуло болото расслабухи. Завтра могут начаться опасности, в городе это неудивительно. Значит, глупо не воспользоваться маленькой передышкой.

До окончания дня оставалась уйма времени. Жаль, что я не могу далеко отлучаться от объекта, который охраняю. А с каким удовольствием покаталась бы я сейчас на лошади верхом по замечательному лесу, от души накупалась бы в Волге да повалялась на горячем песочке... Пойти хоть книгу взять почитать, а то совсем скучно.

Только я это подумала, как услышала шум, похожий на грохот груженого «КамАЗа». Представить себе этот не бо-
ящийся грязи танк здесь, среди аккуратных и чистеньких элитных загородных домов, я не смогла. Но мое окно не выходило на калитку, поэтому придется выйти из комнаты и посмотреть, что там такое творится.

Во дворе было очень оживленно. Я услышала множество голосов. Марат уже успел открыть ворота, и к дому действительно подъезжал... танк. То есть «КамАЗ». Оказывается,

привезли детали забора. Какие-то незнакомые мужики бегали по двору и кричали водителю, как лучше ехать.

Я быстренько стала подниматься к Григорьеву, но он уже сам спускался вниз.

– Приехали ставить ограждение? – спросил меня Андрей.

– Ты их знаешь? – Мне в любом случае стоило побеспокоиться о том, чтобы узнать, знакомые это строители или нет.

– Я уже как-то имел с ними дело. Уж не помню, что они строили. Отличные ребята.

Естественно, я ничего не стала больше говорить и тем более возражать против того, чтобы возле Андрея крутилась целая орава строителей. Мне просто надо быть всегда рядом с ним и смотреть в оба. Ведь это моя работа.

Дальше, понятное дело, началась безумная суета. И как только мужики разбираются во всем этом! Мне приходилось видеть, как они строят дом. Ходят, курят, смеются, и лишь как бы между делом кладут кирпичи. И невозможно даже представить, что у них в конце концов получится, ведь кажется, нет никакого порядка в их действиях. А потом оказывается, что построили они замечательный дом.

По моему мнению, большое количество народа только мешает работать. Так было и сейчас. Все беспорядочно сновали по территории григорьевских владений, а дело вроде бы и не продвигалось.

Григорьев все время находился среди строителей. Он ни на минуту не вошел в дом, чтобы отдохнуть, наоборот, ста-

рался проконтролировать процесс установки забора, давал указания, что-то измерял, примеривался.

Строители поначалу проявляли ко мне недюжинный интерес, постоянно оглядывались, чтобы окинуть меня отнюдь не скромным взором. Видимо, им было странно, что здесь стоит молодая девушка и никуда не уходит, как будто у нее дел больше нет, как следить за их работой. Хотя мне кажется, только слепой бы не заметил, что я хожу практически по пятам Григорьева.

Однако один раз мое присутствие помогло предотвратить производственную травму. Когда строители разгружали для установки очередной блок забора, один конец они чуть не уронили на ногу молодому рабочему. Я очень вовремя подлетела и пихнула того в сторону. Поднявшись и отряхнувшись от пыли, парень удивленно посмотрел на меня, а все остальные начали громко смеяться.

– Смотри, – острили мужики, – она грудью тебя прикрыла. Спасла.

Но как ни глумились они над этим фактом, однако вынуждены были признать, что, останься тот парень на месте, на его ногу точно опустилось бы тяжеленное звено ограды.

Григорьев также не мог сдержать улыбки и шепнул мне на ухо:

– Не зря я тебе плачу.

– Ты мне пока еще не платил, – остановила я его.

Забор со стороны Волги поставили довольно быстро. При-

варили калитку, сделали замок – все как положено.

Уже когда стемнело, за поздним ужином, я заметила на себе постоянные взгляды Кирилла. В принципе подобное для меня не было новостью, я привыкла к вниманию мужчин разных возрастов. Однако он смотрел на меня совсем не так, как смотрят другие мужчины. Его взгляд будто говорил мне, что он узнал обо мне какую-то скрываемую информацию и постоянно ищет этому подтверждение. Потому и смотрит так проникновенно, как будто хочет застать меня врасплох.

Несколько раз я ответила ему суровым взглядом, явно давая понять, как отношусь к такому вот невежливому рассматриванию. Может, он и не понял всех моих бессловесных наставлений, но все же глаза опустил и больше меня не беспокоил. Я решила, что следует поговорить с ним, узнать, что у парня на уме. А сделать это лучше всего сегодня.

– Я лягу спать пораньше, – сказал Андрей. Он встал, поблагодарил тетю Любу за ужин, потом нагнулся и поцеловал меня в щеку. – Сиди. Я сам дойду. Мне уже гораздо лучше.

– Мне хочется все же проводить тебя, – улыбнулась я виноватой улыбочкой и тоже встала.

Мы пошли наверх.

– Не старайся от меня отделаться, – сказала я Григорьеву у самых дверей. – И не мешай мне выполнять мою работу.

– Прошу прощения, – начал раскланиваться он, – проходите, проверяйте, делайте что хотите.

– Перестань кривляться, прошу тебя. Не веди себя, как

ребенок. Ты же сам все прекрасно понимаешь.

– Прости, я очень устал, – Григорьев стал серьезным. – Это безделье мучает меня гораздо больше, чем большой объем работы.

– Ты прав, – я вошла в комнату первая и осмотрела ее. – Так всегда бывает. Мне тоже сейчас нелегко. Я все время должна находиться в напряжении, потому что на тебя может быть совершенно нападение. Даже если этого не происходит, мне все равно следует быть к этому готовой. Быть все время в ожидании плохого и не получать никакой разрядки тяжело.

– Наверное... Я понимаю тебя.

– Ладно. Давай не будем совсем падать духом. Может, перед сном расскажешь мне немного о своих домашних?

– Тебя кто-то конкретно заинтересовал?

– Что ты можешь сказать о Кирилле?

– Он парень молодой, но отнюдь не глупый. Учится на программиста. Здесь у меня летом подрабатывает. Знаю его уже три года. Каждое лето приезжает. Хороший парень.

– Ясно.

– Я пойду душ приму, а ты чем займешься?

– Помогу убрать со стола твоей Любаше. Наверное, уже все закончили ужинать?

Я спустилась снова на кухню. Никого, кроме Кирилла, там не было. Он стоял у раковины и мыл посуду.

– Все уже ушли? – спросила я.

– Угу, – пробурчал он, оглянувшись.

– Я помочь пришла, – сказала я миролюбиво и, взяв в руки полотенце, принялась вытирать только что вымытую посуду. – А ты по собственной инициативе помогаешь Любове Ивановне?

– Мне не трудно, – отозвался Кирилл.

– Молодец.

Мы немного помолчали.

– Как твоя учеба? Мне Андрей сказал, что ты программистом стать хочешь?

Мне необходимо было разговорить Кирилла и узнать, с чего это он так на меня смотрел. Сейчас был самый подходящий момент.

– Нормально с учебой, – юноша был явно удивлен таким вопросом. – Что с ней случится? Сейчас каникулы, вот я и работаю.

– Ну да, – сделала я смущенное лицо, – конечно, как я могла забыть.

Тут показался Григорьев. У него на плече лежало полотенце – он шел в душ. Посмотрев на то, как дружно мы моем посуду, он ухмыльнулся и пошел дальше.

– Странные у вас отношения, – проводив взглядом Григорьева, сказал Кирилл.

– Почему странные?

– Вот ты кем ему приходишься? – чуть споткнувшись на слове «ты», спросил Кирилл.

– А тебе какая разница?

– Просто интересно знать. На влюбленную парочку вы не тянете. На то, что у вас чисто деловые отношения, – тоже не похоже. Вроде как между вами ничего нет, но вам обязательно надо быть вместе.

– Знаешь, – засмеялась я, – тебе надо было идти на психолога учиться. Такой талант!

– Значит, угадал?

– Почти.

– В чем ошибка?

– Григорьев мне нравится.

– Тем не менее ты называешь его Григорьевым и очень редко Андреем.

– Вот-вот, – сказал неизвестно откуда взявшийся Григорьев. – И мне это не нравится.

– Ты что-то забыл? – недовольно взглянула я на своего клиента.

– Забыл купальную шапочку, – высоким голосом, слегка растягивая слова, ответил Андрей. И потом нормальным тоном добавил: – И еще мыло дай, пожалуйста. Вон в том шкафчике под раковиной должно быть.

Я подала ему мыло, и он снова исчез.

– Знаешь, – обратилась я к Кириллу, – мне кажется, тебе лучше поговорить обо всем этом с самим Григорьевым. Вот сейчас он вернется из душа, ты и спроси у него. Захочет – скажет. А я ничего не могу тебе рассказать.

– Это как-то связано с покушениями? – У юноши загоре-

лись глаза. – Вы можете мне доверять. Я никому не скажу.

– Нет, я не понимаю, – заговорила я, слегка кокетливо меняя направление разговора, и даже прикинулась немного обиженной: – Почему ты все-таки не веришь, что Григорьев мог мною увлечься? Я что, не хороша собой?

– Конечно, мог.

– Тогда в чем дело?

– Мне просто так показалось. Кстати, ты сама подтвердила, что я прав...

– Ладно, дальше сам справишься с посудой, – оборвала я разговор.

Я вышла из кухни, но не стала далеко уходить. Мне прекрасно известно, что когда юную голову терзает какой-нибудь вопрос, то ответ непременно будет получен. Вот и Кирилл теперь наверняка будет приставать до тех пор, пока не узнает, в чем дело. Молодые люди так любят романтику, приключения. Возможно, в связи с последними событиями, Кирилл решил, небезосновательно впрочем, что в моем появлении скрывается какая-то очень интересная тайна. И ему ее очень хочется узнать.

Я ждала, когда Григорьев выйдет из душа. Кирилл непременно обратится к нему с расспросами. Я так думала и... ошиблась. Разговор между ними вышел не совсем такой, как я ожидала.

Андрей, повязав вокруг бедер полотенце, вошел в кухню и присел на табурет. Он был еще мокрый, с капельками воды

на теле.

– Эх, как зацепило-то, – Кирилл сразу обратил внимание на рану. – Больно было?

– Больно, – просто ответил Григорьев. – Женя ушла?

– Да.

– И чем закончился ваш разговор о наших отношениях?

– Ничем. Она сказала, что ты ей нравишься.

– Это я слышал.

– Еще сказала, чтобы я у тебя обо всем спросил, если у меня есть какие-то вопросы.

– А она не сказала тебе, что любопытство не порок?

– Понял. Проводить?

– Сам дойду. А насчет того, что мы не можем быть влюбленной парочкой, ты не прав. Просто сейчас дела одолевают. Но потом, когда все это кончится, увидишь: мы обязательно будем выглядеть счастливыми, как и полагается.

– Угу, – кивнул Кирилл.

Григорьев стал подниматься вверх, а я быстро юркнула к себе в комнату.

Глава 5

– Ты не забыл, что тебе в больницу надо заехать, чтобы твою рану посмотрели? Кстати, и пижамку докторскую отдать пора, – напомнила я Григорьеву, войдя в его комнату и застав его стоящим перед зеркалом. – Ты выглядишь просто великолепно, – сделала я комплимент. – Сразу видно, человек очень любит свою работу.

– Решила польстить? Кстати, ты тоже выглядишь на все сто.

Мог бы и не говорить, я и сама это отлично знала. Понимая, что сегодня мне предстоит появиться перед коллективом, в котором работает Андрей, и прекрасно сознавая, что там будут женщины с пронзительными оценивающими взглядами, я постаралась принять достойный облик. Ведь если Григорьев будет представлять меня как свою девушку, то мне следует «держаться марку», чтобы ему не было за меня стыдно.

О том, что для сослуживцев я буду его невестой, Андрей предупредил меня еще вчера, когда перед сном зашел в мою комнату. Он сказал, что мне придется играть роль его возлюбленной, поэтому на людях я должна быть с ним поласковее. Признаться, я удивилась: неужели на работе люди замечают такие тонкие проявления человеческих отношений? На работе надо работать, это закон нового времени. На мой

взгляд, достаточно один раз сказать, какие у нас с Андреем отношения, и больше не касаться этой темы. Но у него было свое, отличное от моего, мнение. Что ж, буду вести себя так, как хочет клиент. Ведь он всегда прав.

– Тебе так идет зеленый цвет, – не то констатировал, не то похвалил Андрей.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Так ты не забыл про больницу?

– Конечно, нет. А если и забуду, то ты обязательно напомнишь мне.

– Можешь не сомневаться.

– Ну что? Пора.

– Идем.

Я бросила взгляд сбоку на спускающегося по лестнице Григорьева и поняла, что он волнуется. Нет. Это нельзя было просто увидеть. Это можно было только почувствовать. На вид Андрей был очень даже спокойным и уверенным, но я легко уловила его немного учащенное дыхание. Вот уж не думала, что он может так волноваться. Мне казалось... Хотя ладно, мало ли что может показаться. Да и рановато делать какие-то серьезные выводы: я знаю Григорьева каких-то два дня и уже несколько раз меняла о нем мнение.

Впрочем, его очень даже можно понять. Он обычный человек, далеко не супермен и, наверное, первый раз в жизни столкнулся с настоящей опасностью. Григорьев не похож на киношных героев, которые ничего и никого не боятся и на

выстрел даже не оборачивают головы. Между прочим, и меня, хоть я не первый год занимаюсь охранной деятельностью, в некоторых ситуациях по-прежнему охватывает волнение. Только в моем случае это происходит не от страха. В большинстве случаев скорее от азарта. Наверное, я прирожденная воительница. Но мне и по должности, так сказать, положено спокойно относиться к опасности, к крови и смерти чужой и даже своей.

И чего это меня вдруг столь невеселые мысли посетили? Прямо перед выездом. Нашли время. Ничего, справлюсь и в этот раз, не такие дела проворачивали. А на Григорьева жаловаться просто грех. Пусть он и не герой, но парень хоть куда. Раньше бы сказали, что с таким и в разведку идти не страшно.

Мы спустились во двор и по дорожке, петляющей среди клумб, пошли к машине. Андрей держался на «отлично». По его походке и уверенной осанке ни за что нельзя было определить, что у него имеется ранение, причем полученное совсем недавно. Он шел так бодро, что мне пришлось прибавить шаг, чтобы не отстать от него.

– Прошу, – он распахнул передо мной дверцу.

– Доброе утро, – поприветствовал меня Кирилл, подходя с другой стороны и открывая свою дверь.

– Привет, – машинально ответила я.

Устроилась я у окна, которое будет обращено к проезжающим машинам, если учитывать, что мы будем ехать по пра-

вой стороне. Таким образом, любую машину, представляющую собой опасность, я имею возможность увидеть первой. Бдительность необходимо сохранять всегда.

– Тебе не холодно? – забеспокоился Григорьев, увидев, как я пожимаю плечами.

– Немножко. Никак не могу привыкнуть, что за городом по утрам бывает так свежо. Но ничего, это даже приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.